

Они совсѣмъ смутились, но молчали.

Кто-то тихо сказалъ:

— Не наше дѣло, батюшка.

Одинъ Иотапычъ расхрабрился и сказалъ шуткою:

— Душа-то у тебя молодая, Евграфычъ... а надо правду молвить: старова-а-тъ ты!

Коротконоговъ такъ и заметался въ дыму комнаты:

— Старъ я... измѣнники?!

И онъ началъ изгибаться и косячиться, какъ будто собирался пуститься въ свой давишній плясъ, колотилъ себя по груди рукой и гнусавилъ съ ужимками, какъ будто веселыми, за которыми чувствовалась ярость.

— Да я за сто молодыхъ отвѣчу! Я... Коротконоговъ! Я ее ошастливлю, Анютку-то!.. Моя краля, моя! За мельоны не уступлю, никому не уступлю! Дворецъ ей построю... на селѣ-то! Въ бархатъ наряжу, золотомъ осыплю... на рукахъ носить буду!.. Моя краля, моя! У меня!..

Онъ крѣпко стукнулъ себя по карману:

— Всѣхъ куплю!

И заюлил, и залезбилъ, и заметался.

— Отцы-съ духовные-съ... вѣнчать не хотите-съ? А хотите, я... бумажечками-съ... красненькими-съ... отъ вашихъ домиковъ до церкви дорожку сдѣлаю-съ... потомъ ваши будутъ?

Онъ потиралъ руки и смѣялся намъ въ лицо:

— Желаете-съ?

Я взглянулъ на дьякона.

— Кажется, намъ тутъ больше нечего дѣлать, отецъ дьяконъ.

Дьяконъ выпрямился, вытянулся, съ комической презрительностью оглядѣлъ съ ногъ до головы Коротконогова и торжественно направился къ выходу.

Коротконоговъ юлилъ, забѣгалъ справа и слѣва и еще что-то насмѣшливо гнусавилъ, но мы ужъ не слушали. На крыльцѣ мы приостановились и посмотрѣли другъ на друга.

— Ну?—сказалъ я.

Дьяконъ отвѣтилъ тѣмъ же:

— Ну?

— Пойдемъ къ старостѣ... керосинномъ огонь тушить?!

Дьяконъ сдѣлалъ строгое лицо.

— Каждому человѣку,—отвѣтилъ онъ:—предоставлено идти по пути добра или зла. Про зло-то и сказано: Господь его попускаетъ... до времени. А добру Онъ помогаетъ, черезъ людей. По пути ли добра мы идемъ? Ну, такъ пойдемъ до конца.

— И тогда добро побѣдитъ?—усмѣхнулся я уныло.

— Добро всегда побѣждаетъ!—отвѣтилъ онъ со строгой важностью.

— Но вѣдь мы добьемся у старосты не больше, тѣмъ здѣсь.

— Меня интересуетъ другое,—сказалъ дьяконъ и посмотрѣлъ куда-то вверхъ:—чего мы добьемся у Бога. Сказано: толчите—и отверзится... не у людей, такъ у Бога!

И опять на лицѣ его появилось выраженіе, будто онъ знаетъ что-то тайное.

Мы медленно направились по дорогѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о р а .

Уѣхалъ мой жилецъ, и комната пуста,
И сорваны съ оконъ рукой жестокой шторы,
И видны на полу протертая мѣста,
И на обояхъ тусклые узоры.
Какъ долго жилъ, какъ много онъ страдалъ,
Какъ часто горячо и пламенно молился,
И какъ онъ вдругъ ушелъ, и ничего не взялъ,
И ни съ одною вещью не простился.
Но всѣ онѣ сошли съ своихъ обычныхъ мѣстъ,

И паутины нить повисла надъ дверями,
И трещина легла на зеркало, какъ крестъ,
И потемнѣлъ портретъ въ старинной рамѣ.
Онъ только-что ушелъ, а все мертво вокругъ,
И холодъ нежилыя ложится понемногу,
По дому стонетъ подъ карнизомъ звукъ:
Уѣхалъ мой жилецъ,—
И мнѣ пора въ дорогу.

Кн. Я. Андрониковъ.

Неизданный отрывокъ Пушкина.

(Съ примѣчаніями Н. Лернера).

Чѣмъ дальше отходить въ прошлое, тѣмъ ближе становится намъ и личный и литературный образъ Пушкина, тѣмъ охотнѣе и внимательнѣе прислушиваемся мы къ изрѣдка долетающимъ до насъ новымъ, захороннымъ звукамъ его голоса, тѣмъ драгоценнѣе намъ каждая, доселѣ невѣдомая, строка, сбѣжавшая съ его пера. Какимъ-то „святымъ очарованьемъ“ озаряетъ его имя коротенькую дружескую записочку, дѣловой документъ, случайный набросокъ.

Мы рады, что можемъ сообщить читателю небольшой отрывокъ Пушкинской прозы. Это—страничка изъ „Исторіи Пугачевского бунта“. Ее сохранилъ находящаяся въ Имп. Публичной Библиотекѣ бѣловой экземпляръ „Исторіи“— тотъ самый, съ котораго она набиралась.

Осенью 1833 г., возвратившись изъ поѣздки на мѣста, гдѣ когда-то гремѣла гроза Пугачевщины, Пушкинъ завершилъ свою работу, но затѣмъ еще долго дополнялъ и исправлялъ ее, а лѣтомъ 1834 г. приступилъ къ печатанію. Наблюденіе за послѣднимъ принялъ на себя начальникъ той типографіи, въ которой печаталась „Исторія“ (это была казенная типографія, принадлежавшая II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи) М. Л. Яковлевъ—лицейскій товарищъ и одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей поэта. Къ нему и обращены двѣ находящіяся на рукописи записки, также до сихъ поръ неизданныя.

„Вотъ тебѣ, мой благодѣтель, первая глава—съ Богомъ“,—пишетъ Пушкинъ Яковлеву на первомъ листѣ рукописи. Она поступила въ типографію 5 іюля 1834 г., какъ помѣчено сверху первой главы. „Вотъ и второй томъ“,—пишетъ поэтъ на титульной страницѣ второго тома, поступившаго въ типографію, какъ видно изъ помѣтки, 17 іюля. Печатаніе шло съ лихорадочной быстротою. Пушкину хотѣлось поскорѣе справиться съ „Исто-

ріей“ и „дернуть“ къ гостившей у своихъ родныхъ въ деревнѣ женѣ, и онъ сѣпшилъ съ корректурами и торопилъ типографію. „Кабы ты видѣла,—пишетъ онъ ей 11 іюля:—какъ я сталъ прилеженъ, какъ читаю корректуру, какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя“. 14 іюля: „Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ, я оставлю Пугачева на его попеченіе“. 30 іюля: „я приѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются, два тома печатаются вдругъ!“ 3 августа: „Яковлевъ отпустить меня около половины мѣсяца“. Повидимому, первый томъ въ августѣ былъ уже готовъ, такъ какъ подъ предисловіемъ, которое переписалъ начисто для набора самъ Яковлевъ (см. Я. К. Гротъ, „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-е, СПб., 1899, стр. 117), находимъ приписку Пушкина: „Печатать. 12 авг. А. П.“

Чтеніе корректуръ осложнялось тѣмъ, что Пушкинъ въ то же время продолжалъ отдѣлывать свою работу и вносилъ въ нее различныя измѣненія: кое-что изъ самаго текста „Исторіи“ вносилъ въ примѣчанія, исправлялъ въ некоторыхъ выраженія, производилъ перестановки. Одно изъ наиболѣе значительныхъ измѣненій онъ сдѣлалъ въ пятой главѣ. То мѣсто, которое начинается словами: „Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года“..., и которое посвящено описанію осады Яицкаго городка и происшедшаго въ немъ броженія (въ изд. 1834 г., I, 98—105), Пушкинъ снабдилъ примѣчаніемъ (стр. 52): „слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи („Оборона Яицкой крѣпости отъ парти митежниковъ“), напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ П. П. Свиньина. Въ некоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова *), предполагая бс-

* Подполковникъ Симоновъ былъ комендантомъ Яицкой крѣпости.

лге достоверности въ официальном документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной". Шесть листковъ этого описанія приложены въ типографской рукописи къ пятой главѣ, а въ самой рукописи данное мѣсто изложено иначе, короче и драматичнѣе. Приводимъ эту интересную страничку:

Крѣпость сего города находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Гарнизонъ претерпѣвалъ всѣ ужасы голода. Хлѣба уже не было. Мѣшали землю съ отрубями и составляли какое-то тѣсто. Лошадиное мясо раздалось на вѣсъ. Ъли кошекъ и собакъ. Гарнизонъ находился въ вѣчной опасности, ибо осада ведена была правильнѣе, нежели подѣ Оренбургомъ и подѣ Уфою. Наконецъ (15 Апрѣля) изъ крѣпости замѣчено было, что мятежные казаки вѣзжали въ городъ въ беспорядкѣ одинъ за другимъ. Цѣлый день жители волновались, перебѣгали изъ дома въ домъ и сходились на улицахъ. Къ вечеру ударили въ Соборной колоколъ. Казаки собрали кругъ и долго шумѣли; потомъ кучкою пошли къ крѣпости. Симоновъ уже готовился отразить ихъ пушками, но съ изумленіемъ увидѣлъ, что они вели связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргу и Толкачева. Они приближались, громко моля о помилованіи себя и о пощадѣ

городу. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Жители увѣдомили его объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. Гарнизонъ бросился на хлѣбъ, нанесенный изъ города. 17-го прибылъ Мансуровъ и принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Карга, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова были подѣ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Новое, болѣе пространное, изложеніе этихъ событій вышло у Пушкина исторически-цѣннѣе, но въ стилистическомъ отношеніи не лучше. Отвѣргая первую редакцію, Пушкинъ, въ сущности, не отказался отъ нея, а какъ бы растворилъ ее во второй, гдѣ тамъ и сямъ мелькаютъ отдѣльныя фразы первой. „Картина бѣдствія гарнизона и его освобожденія составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ смятеній“, — справедливо отзывался о данномъ описаніи одинъ современный критикъ (въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1835 г.) Въ первоначальной редакціи даже скорѣе, чѣмъ во второй, можно усмотрѣть „мудрую экономію и изящное устройство материала“ (слова бар. Е. Розена въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1835 г.). Его краткость болѣе соответствуетъ общему масштабу работы, а его благородная сжатость, простота и лапидарность слога оправдываютъ отзывъ Бѣлинскаго, что „Исторія Пугачевского бунта“ — „перомъ Тацитга написана на мѣди и мраморѣ“.

Уличный папа

Рассказъ Вас. Брусняннѣ.

Перепечатка воспрещается.

Инженеръ Суслинъ вошелъ на площадку трамвая на углу Невскаго и Литейнаго, хотѣлъ пройти въ вагонъ, увидѣлъ въ вагонѣ мужа Натальи Дмитріевны и не двинулся съ мѣста...

Мужъ Натальи Дмитріевны—господинъ тучный, съ брюшкомъ, съ длинными усами и бритымъ подбородкомъ. Глаза на выкатѣ, большіе, странные, пустые глаза. Щеки у него одутловатыя, со складками у шеи: „какъ она можетъ любить этого урода?“ И шлепа у него все такая же, фетровая, широкополая, съ приплюснутыми верхомъ. Это онъ, мужъ Натальи Дмитріевны, онъ—художникъ Свинцевъ!

Суслинъ подумалъ: „впрочемъ, какой же онъ художникъ? Всего-то учитель рисованія въ какомъ-то училищѣ...“

Купилъ Суслинъ у кондуктора билетъ и, къ изумленію послѣдняго, прыгнуть съ площадки на первой же остановкѣ и посмотрѣлъ сквозь вагонное стекло на жирный подбородокъ мужа Натальи Дмитріевны.

Долго стоялъ посреди улицы и ждалъ, когда подойдетъ слѣдующій трамвай... Ждалъ, смотрѣлъ на темныя очертанія молчаливыхъ домовъ подѣ ровнымъ покровомъ бѣлой ночи и думалъ о Натальѣ Дмитріевнѣ—и о Леночкѣ. Подошелъ вагонъ трамвая и какимъ-то страннымъ, точно никому не нужнымъ показался Суслину свѣтъ электрическихъ лампочекъ.

Быстро вошелъ на заднюю площадку, пропустивъ мимо себя даму съ дѣвочкой лѣтъ 8-ми, и внимательно посмотрѣлъ внутрь вагона, направо, и точно боялся—не сидитъ ли и тутъ мужъ Натальи Дмитріевны.

Почему-то Суслинъ даже и въ думахъ своихъ не называлъ художника Свинцева по имени и отчеству или по фамиліи, у него какъ будто не было ни имени ни фамиліи, а званіе—мужъ Натальи Дмитріевны.

Сидѣлъ въ вагонѣ трамвая противъ дамы съ дѣвочкой и смотрѣлъ на милую семилѣтнюю брюнетку, въ свѣтлой кофточкѣ и въ красивомъ короткомъ платицѣ. Шляпа на дѣвочкѣ была большая, соломенная, съ широкой лентой, концы которой опускались на спину дѣвочки и, темнѣя, сливаясь въ одинъ тонъ съ темнымъ цвѣтомъ длинныхъ вьющихся волосъ.

„И Леночкѣ теперь семь лѣтъ... У нея такіе же длинные волосы. Только Леночка блондинка. Она похожа на меня... И онъ, мужъ Натальи Дмитріевны, знаетъ объ этомъ, знаетъ и точно радуется, что его дочь похожа на него, на инженера Суслина“...

Такъ думать о Леночкѣ, о мужѣ Натальи Дмитріевны и объ инженерѣ Суслинѣ самъ инженеръ Суслинъ.

А вагонъ трамвая быстро спускался подѣ уклонъ Литейнаго моста. Сейчасъ Финляндскій вокзалъ. Мужъ Натальи Дмитріевны сошелъ у этого вокзала, сѣлъ въ поѣздъ, который раньше Вьлоострова не останавливается, и поѣхалъ къ себѣ на дачу подѣ Выборгъ.

Прекрасно знаетъ инженеръ Суслинъ дачу мужа Натальи Дмитріевны. Широкая дорога отъ станціи по финскимъ болотамъ. Потомъ дорога поднимается на изволокъ съ высокими соснами, потомъ поворачиваетъ налѣво въ узкую улицу, съ дачами по обѣ стороны, и вотъ тутъ недалеко бѣлая двухэтажная дача съ башней. Въ этой дачѣ и живутъ Леночка и ея мама, красивая шагенка.

Леночка—его дочь... И какъ странно, его дочь живетъ тамъ гдѣ-то, подѣ Выборгомъ, а онъ, инженеръ Суслинъ, проводитъ лѣто въ городѣ. Живетъ въ богатой и прекрасной квартирѣ на Каменномъ островѣ. И окна его квартиры выходятъ въ садъ, но все же нѣтъ той прелести, что была тамъ, когда онъ жилъ недалеко отъ дачи, гдѣ теперь живетъ его милая дочка Леночка.

Дама и дѣвочка-брюнетка встали, забрали пакеты и сошли у Финляндскаго вокзала. Посмотрѣлъ за ними вслѣдъ и подумалъ: „И онѣ живутъ на дачѣ... Можетъ-быть, онѣ живутъ тамъ же, гдѣ живетъ Леночка... Можетъ-быть, эта дѣвочка—подруга Леночки, и онѣ вмѣстѣ играютъ, ходятъ по берегу темнаго озера... Можетъ-быть, и эта дама знакома съ Натальей Дмитріевной...“

А вагонъ трамвая быстро несся по Большой Дворянской и улекая инженеру Суслина отъ Финляндскаго вокзала все дальше и дальше, къ его холостой квартирѣ...

Прошло уже больше семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, а онъ все не можетъ осмыслить своего страннаго положенія. Занятый проектами мостовъ, дамбъ и плотинъ, онъ часто забываетъ и о Леночкѣ, и о Натальѣ Дмитріевнѣ, и о ея мужѣ, но какъ только что-нибудь напомнитъ ему о прошломъ—образъ Леночки не даетъ ему покоя. Укоромъ какимъ-то живетъ она тамъ гдѣ-то и точно мститъ ему своими маленькими нѣжными ручками: душитъ его, терзаетъ грудь, холодитъ сердцѣ.

Глупая и, пожалуй, пошлая дачная интрижка вначалѣ, семь лѣтъ назадъ, теперь виситъ надъ нимъ преображенной въ мучительную трагедію. Рѣдко вспоминаетъ инженеръ Суслинъ о художникѣ Свинцевѣ, и вотъ сегодня... Надо же ему было войти на площадку именно того вагона, въ которомъ сидѣлъ, обложенный пакетами, этотъ противный дачный мужъ—мужъ Натальи Дмитріевны... Сегодняшній вечеръ инженеръ Суслинъ вмѣстѣ съ своими товарищами предполагалъ провести на Крестовскомъ. Но развѣ же онъ въ состояніи сдержать данное слово сегодня? Развѣ же можетъ онъ поѣхать въ этотъ садъ, переполненный веселящимися петербуржцами? Когда онъ думаетъ о томъ, что случилось семь-восемь лѣтъ назадъ, когда онъ вспоминаетъ, что на свѣтѣ есть Леночка, русокудрая, голубоокая дѣвочка—ему не хочется видѣть людей, и онъ бѣжитъ отъ нихъ, запирается у себя въ холостой квартирѣ и никого не принимаетъ.

И одинъ, какъ всѣми отверженный, переживаетъ свою душевную драму...

Обыкновенная исторія юности,—исторія, какихъ много. Жилъ онъ лѣтомъ на дачѣ именно тамъ, гдѣ жили художникъ Свинцевъ и его жена Наталья Дмитріевна. То время было на зарѣ его карьеры. Мечталъ онъ объ этой карьерѣ, и хотѣлось ему любить. Ухаживалъ за дамами и за барышнями и слылъ даже за интереснаго кавалера, о которыхъ всю зиму мечтаютъ дачныя и станціонныя барышни. Кто-то познакомилъ его съ Натальей Дмитріевной. Тогда у нея еще не было Леночки, и была она стройна, молода, красива, съ соблазнительными коралловыми губами и съ ясными свѣтло-сѣрыми глазами. Вначалѣ онъ не обратилъ на нее вниманія, потому что увлеклся въ это время одной барышней, за которой ухаживали почти всѣ дачные кавалеры. Но вышло такъ, что однажды Наталья Дмитріевна по-